

Рис. 277 d (1861, 4)

ОСНОВА

1861

А П Р Ъ Л Ъ

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Кобзарь, XIII. Невольникъ, Т. Г. Шевченка.
- II. Два снѣи, Марія Венча.
- III. Тітка Настя, М. Т. Момиса.
- IV. Півпівника, Панька Казюки.
- V. Воспоминаніе о двухъ малыхъ, И. И. Костомарова.
- VI. Стихотворенія:
 - I. Питання, В. Мушка. II. Де вона, Н. Таволги-Мокрицького.
 - Байки: I. Вовкъ и вівчарі, Л. Н. Глѣбова. II. Жаба и вилъ, III. Мірошникъ, Р. Витасельского. IV. Горлиця и Горовецъ, Л. Н. Глѣбова.
- VII. Гетманство Выговскаго, І. И. И. Костомарова.
- VIII. Обзоръ Украинской Словесности, IV. Гоголь. И. А. Мушка.
- IX. Музыка Южнорусскихъ пѣсень, А. И. Строва.
 - X. Гимназическая переписка, Лисейкина.
- XI. Нѣсколько словъ о народности въ религиозной жизни, Г. Т.
- XII. Лпсті съ хутора, Хуторянина.
- XIV. Калюжа, Пана Ватиркиевича.
- XV. О крестьянахъ Юго-Западной Руси, А. Л. И.....наго.
- XVI. Объясненіе къ рисункамъ Живописной Украины, Л. М. Жемчужникова.
- XVII. О народномъ языкѣ, А. Л. И.....наго.
- XVIII. Одъ редакці.
- XIX. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
- XX. Библиографическое извѣстіе.

ВОСПОМНАНІЕ

О ДВУХЪ МАЛЯРАХЪ.

Въ одномъ селѣ восточнаго малороссійскаго края была, а можетъ быть и теперь существуетъ, личность въ высшей степени замѣчательная. Эта личность способна возбуждать въ душѣ много думъ и оставлять неизгладимыя впечатлѣнія: то былъ крестьянинъ именемъ Грпцькѣ, ремесломъ — маляръ. Какъ извѣстно, въ малороссійскомъ крестьянскомъ быту, маляръ — явленіе частое. Малярство — одна изъ обычныхъ первыхъ ступеней, на которую всходитъ крестьянинъ, коль скоро собственное дарованіе выводитъ его изъ земледѣльской колен. Маляръ, обыкновенно, вмѣстѣ съ тѣмъ и грамотный; искусство располагаетъ его къ любознательности; маляръ рисуетъ Богородицу, святыхъ мужей и женъ, — надобно знать, какъ изобразить того или другую; является охота узнать, кто они были и что съ ними творилось въ жизни, и маляръ чтитъ священное писаніе, житія святыхъ. Маляръ пмѣетъ дѣло постоянно съ церковью и потому интересуется церковными вопросами; такимъ образомъ, маляръ входитъ въ область книжнаго міра, которая у поселянъ начинается съ религіознаго круга, точно такъ, какъ начиналась она въ исторіи Русскаго народа. Но извѣстно, что Малороссійанинъ, какъ только сдѣлается благочестивымъ человѣкомъ, сейчасъ начинаетъ философствовать; у него религіозность ведетъ не къ толкованіямъ обрядовъ и частностей богослуженія, какъ это бываетъ съ Великороссійаниномъ, а обращается либо къ піетизму, либо къ размышленіямъ, и — въ первомъ случаѣ — ведетъ къ поэзіи въ жизни, во второмъ — къ желанію знать природу, человѣка, однимъ словомъ — къ наукѣ. Это желаніе обыкновенно находитъ себѣ скоро предѣлъ по

скудости матеріаловъ для питанія.... Не такъ, однако, было съ вашимъ маляромъ Грицькомъ.

Онъ родился крѣпостнымъ. Въ дѣтствѣ потерялъ онъ родителей и остался на попеченіи родни. Его представили пасти господское стадо, не помню — какое. Въ мальчикѣ было что-то странное; крестьяне считали его придуркуватымъ. Лучшимъ будетъ рассказывать, какъ удалялся онъ отъ дѣтскихъ игръ и какъ мальчики за это щипали и тормошили его. Иначе, пришлось бы невольно повторять то, что такъ часто встрѣчается въ житіяхъ святыхъ при описаніи ихъ дѣтства. Когда безвѣтріе не позволяло работать мельникамъ, Грицько усаживался близь села подъ вѣтряной мельницей, и рисовалъ углемъ или мѣломъ на стѣнѣ разныя фигуры; такъ однажды, онъ растерялъ своихъ животныхъ; за что его высѣбли. Тоже повторилось и въ другой разъ. Помѣщикъ разсудилъ, что его дворовый мальчикъ не даромъ чертитъ изображенія и, ради такихъ занятій, дурно проходить свою служебную карьеру: изъ него скорѣе выйдетъ живописецъ, чѣмъ свинарь или овчаръ; подумалъ помѣщикъ и отдалъ его въ науку къ какому-то художнику въ своемъ уѣздномъ городѣ. Такъ поступилъ помѣщикъ въ тѣхъ видахъ, что мальчикъ можетъ выучиться, станетъ ему платить оброкъ; и принесетъ, со временемъ, барину больше пользы, чѣмъ сколько могъ бы принести въ званіи пастуха. И вотъ Грицько живетъ у хозяина, учится прилежно; хозяинъ не похвалится его понятливостью; его не нужно понукавать, — приходится отрывать его отъ работы; ему не надобно десять разъ одного и того же вбивать въ голову, — онъ самъ спроситъ и не забудетъ того, что ему скажутъ. Захотѣлось самому Грицьку научиться грамотѣ: хозяинъ далъ ему букварь, показалъ разъ, другой — и Грицько, въ короткое время, выучился складамъ и сталъ читать бѣгло. Впослѣдствіи онъ сознавался, что когда рисовалъ на мельницѣ фигуры, то это были вымыслы съ буквами. Грицька занимала мысль: какъ это люди читаютъ? «Я», говорилъ онъ, «долго думалъ надъ этимъ и дошелъ до того, что, вѣрно, какое говорится слово, такое и малюется; и началъ въ умѣ самъ съ собою говорить, да какое слово скажу, то и намалюю, а потомъ и помню, что вотъ такъ я его намалювалъ; послѣ того пришло мнѣ въ голову, что вѣрно не такъ: словъ много, — какъ можно всѣ ихъ припомнить! Тутъ я началъ

примѣчать, что иное слово на другое походить, а иное разнится: такъ я, что похоже, то на одну статью и малюю. Сколько припомню, такимъ образомъ, кажется, онъ объяснялъ этотъ путь. Но какъ бы то ни было, нашъ Грицько самобытною дорогою шелъ къ цѣли, которую давно нашло человѣчество. Онъ не дошелъ до нея подъ своей мельницей, а достигъ ся обычнымъ для всѣхъ путемъ за букваремъ у уѣзднаго художника.

Грицько началъ читать что ни попало: читалъ и священную исторію, читалъ и романы, читалъ Библіотеку для чтенія: тамъ, какъ говорилъ онъ, — на него сдѣлали впечатлѣніе особенно жизнеописаніе папы Гильдебранда и какая-то космографическая статья. Когда онъ вчитался болѣе, его стали занимать помѣщенныя въ «смѣси» извѣстія о разныхъ открытіяхъ въ области естествознанія. Бѣда только, что, по причинѣ множества научныхъ терминовъ, онъ понималъ тамъ съ пятого на десятое. Болѣе всего хотѣлось ему знать: какъ это свѣтъ стоитъ, какъ онъ держится и какъ всякія вещи сложились, какъ одно съ другимъ вяжется. Грицьку представлялись безчисленные вопросы; они мучили его, потому что онъ на нихъ не находилъ отвѣта, ни въ тѣхъ книгахъ, какія ему попадались, ни у людей, съ которыми приходилось ему говорить. Грицько чрезвычайно полюбилъ арифметику; онъ получилъ указанія отъ другихъ только въ четырехъ правилахъ, а потомъ уже самъ собою уразумѣлъ таинства дробей и сложность тройного правила.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ у хозяина, Грицько сталъ платить помѣщику оброкъ и работать въ разныхъ селахъ своего околка по церквамъ. Однажды, на пасху — это было въ 1837 году, — онъ прибылъ въ свое село къ роднымъ. Здѣсь, въ церкви, въ ночь свѣтлаго воскресенія, предъ заутреней онъ читалъ дѣянія.... тогда я въ первый разъ его увидѣлъ. Онъ долженъ былъ, между прочимъ, провозгласить: трудно противу рожна прати.... Это было пророческое слово о судьбѣ его!

Грицько былъ невысокаго роста, черноволосый, чрезвычайно худощавый, съ необыкновенно выразительными и добрыми глазами и съ слабою грудью, какъ показывалъ его прерывистый, хотя крикливый, но скоро упadaющій, голосъ. Въ характерѣ его была удивительная кротость и мягкость. Онъ былъ молчаливъ и робокъ; не слѣшилъ самъ ни съ кѣмъ разговаривать, а если на-

чиналъ разговоръ, то для того, чтобъ спросить о чемъ-нибудь и научиться отъ другихъ, и только тогда становился смѣлѣе, когда видѣлъ, что его любятъ. Онъ зналъ священное писаніе изумительно и могъ потягаться въ текстахъ библейскихъ съ любымъ Поморскимъ начетчикомъ. Но замѣтно было, что не чувство благочестія влекло его къ такому чтенію: онъ искалъ въ немъ того, что называется положительнымъ знаніемъ. Любознательность Грицька обращалась болѣе всего на матеріальную природу и странно было слышать, какъ онъ задавалъ себѣ вопросы, давно уже рѣшенные физикою или естественной исторіей, и искалъ отвѣта то въ библіи, то въ Иванѣ Выжигинѣ Булгарина, то въ повѣстяхъ Маринскаго. Одинъ помѣщикъ, получившій образованіе въ харьковскомъ университетѣ, началъ давать ему книги и расширилъ кругъ его чтенія. Грицько читалъ ихъ съ жадностію. Ему подарили Всеобщую Исторію Аббата Милота, популярную Астрономію и курсъ математики, и онъ былъ вѣдъ себя отъ восторга.

Нѣсколько лѣтъ не видалъ я Грицька послѣ этого, но случай привелъ меня увидѣть его въ томъ же селѣ, въ 1845 году. Грицько былъ уже женатъ на крестьянской дѣвушкѣ изъ своего села, имѣлъ свою собственную хату, платилъ оброкъ и занимался малярствомъ, выручая насущный хлѣбъ на иконахъ. Безъ посторонняго руководства, Грицько уразумѣвалъ свою книгу — курсъ математики и, съ изумительною правильностію и вѣрностію, рѣшалъ трудныя алгебраическія и геометрическія задачи. Онъ прочиталъ уже физику, зналъ изложенные въ ней законы природы, любилъ толковать объ опытахъ, которыми человѣческій умъ достигалъ до уразумѣнія этихъ законовъ. Но библіи онъ уже не читалъ и, вообще, его мало занималъ священный кругъ. Онъ, повидному, лишень былъ поэтическаго чутья. Его не плѣняла красота природы: онъ стремился къ природѣ разсудочнымъ анализомъ; онъ хотѣлъ изслѣдованія, а не восторга; чудесное не плѣняло его — онъ отвращался отъ него; на первомъ планѣ у него стояла мысль: это невозможно; а что невозможно — о томъ и толковать нечего. Ему скучны казались Пушкинъ и Жуковский; даже стихи Шевченка не пробудили въ немъ сочувствія по родственности языка. Только Квиткины повѣсти заняли его, но не по художественности, а по вѣрности изображенія крестьянскаго мало-

россійскаго быта, въ которомъ онъ самъ родился и взросъ. Пренная кротость и скромность остались въ немъ неизмѣнны. Грицько, казалось, съ покорностью и безъ ропота сносилъ свою долю, но когда ему замѣтили — какъ было бы хорошо, если бъ онъ родился вольнымъ — онъ заплакалъ. Находились люди, хотѣвшіе и тогда выкупить его у помѣщика, и давали, по тогдашнему счету, 500 р. асс.; помѣщикъ не соглашался: по своимъ расчетамъ могъ въ нѣсколько лѣтъ получить съ него болѣе оброкомъ.... И Грицько остался крѣпостнымъ. »Больно тоѣ, говорилъ Грицько, »что насъ, бѣдныхъ людей, держать въ заблужденіи и невѣжествѣ.«

Быть можетъ, неизбѣжная борьба внутренняго саморазвитія съ гнетущимъ положеніемъ уже свела его въ могилу; быть можетъ онъ и теперь платитъ господамъ оброкъ и пишетъ какую-нибудь Продиаду съ кинжаломъ надъ головой Іоанна Крестителя.... Во всякомъ случаѣ, ему теперь подъ пятьдесятъ лѣтъ; онъ угасъ для всего будущаго въ этой жизни.

Въ тотъ же годъ, когда я видѣлъ въ послѣдній разъ Грицька-маляра, на противоположномъ, западномъ краю Малороссіи, случай свелъ меня съ другимъ маляромъ. Первоначальная судьба его была похожа на судьбу Грицька; но природа, щедрая для обонхъ, даровала этому маляру иныя дарованія и потому судила иной путь. Этотъ маляръ назывался Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Нѣтъ нужды здѣсь излагать повѣсть о его дѣтствѣ, о первоначальномъ его воспитаніи: онъ самъ описалъ все это въ своей автобіографіи. Этотъ маляръ не завязъ въ цѣпяхъ, которыя обвивали его при рожденіи, — его талантъ прорвалъ ихъ, вывелъ его изъ тѣсной сферы неизвѣстности для высокихъ думъ, тяжелыхъ страданій и безсмертія. »Той бѣ слава дней своихъ«, скажетъ о немъ нѣкогда Малороссія, какъ это нѣкогда сказано было объ одномъ изъ ея гетмановъ.

Съ Тарасомъ Григорьевичемъ я познакомился въ Кіевѣ въ 1845 году. На первый разъ въ немъ не показывалось ничего привлекательнаго, ничего теплаго; напротивъ, онъ былъ холоденъ, сухъ, хотя простъ и не церемоненъ. Онъ измѣрялъ мои слова и движенія съ недовѣрчивостію: онъ поступалъ, какъ часто поступаетъ очень честный и добрый малороссіянинъ, встрѣчая незнакомое лицо, и чѣмъ это лицо навязчивѣе старается вызвать его на откоро-

венность и искренность, тѣмъ становится онъ осторожнѣе. Иначе и быть не можетъ въ народѣ, который слишкомъ часто видитъ обманъ и двоедушіе. Это качество измѣнилось у Шевченка въ послѣдніе годы, когда мы съ нимъ увидѣлись послѣ долгой разлуки: оно даже перешло у него въ другую крайность, — излишнюю довѣрчивость. Но въ тѣ времена, въ тѣ поры его молодости, онъ сохранялъ эту своенародную черту. Скоро, однако, мы сошлись и подружились. Тарасъ Григорьевичъ прочиталъ мнѣ свои ненапечатанныя стихотворенія. Меня обдало страхомъ: впечатлѣніе, которое они производили, напомнило мнѣ Шиллерову балладу »Занавѣшенный Санскій Истуканъ«. Я увидѣлъ, что муза Шевченка раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и уповательно было заглянуть туда!!! Поэзія всегда идетъ впередъ, всегда рѣшается на смѣлое дѣло; по ея слѣдамъ идутъ исторія, наука и практическій трудъ. Легче бываетъ послѣднимъ, но тяжело первой. Сильное зрѣніе, крѣпкіе нервы нужно имѣть, чтобъ не ослѣпнуть или не упасть безъ чувствъ отъ внезапнаго свѣта истины, дружелюбно сокрытой для спокойной толпы, идущей по торной колеѣ, мимо таинственнаго занавѣса, — не знающей, что сокрывается за этимъ занавѣсомъ! Тарасова муза прорвала какой-то подземный заклепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками, запечатанный многими печатями, засыпанный землею, нарочно вспаханною и засѣянною, чтобъ скрыть для потомства даже память о мѣстѣ, гдѣ находится подземная пустота: Тарасова муза смѣло вошла въ эту пустоту съ своимъ неугасимымъ свѣточемъ и открыла за собою путь и солнечнымъ лучамъ и свѣжему воздуху и людской любознательности. Легко будетъ входить въ это подземелье, когда воздухъ туда проникнетъ; но какая человѣческая крѣпость можетъ устоять противъ убивающаго въ мгновеніе всѣ силы жизни, погашающаго всякой земной огонь, вѣкового испаренія! Горе дерзкому поэту! онъ забываетъ, что онъ человѣкъ; и если первый рѣшается вступить туда, — то можетъ пасть.... Но поэзія не устрасится никакого губительнаго испаренія, если только она истинная поэзія; и не погаситъ ея свѣточа никакая историческая или нравственная углекислота; ибо этотъ свѣточъ горитъ негасимымъ огнемъ — огнемъ Прометей....

Не долго видѣлъ я Тараса-маляра въ Кіевѣ: обстоятельства

насъ разлучили.... Не мнѣ рассказывать его дальнѣйшую біографію.... Въ 1858 году, мы увидѣлись снова въ стѣнахъ Академіи Художествъ. Тарасъ не узналъ меня. Цѣлый часъ я не говорилъ ему своего имени, и онъ все таки не назвалъ его, пока не услышалъ отъ меня самого. Тогда онъ заплакалъ и этимъ показалъ, что не отъ того не узналъ, что забылъ обо мнѣ. Но въ немъ— все напоминало прежняго Тараса; его жемъзная натура много выстояла и не пала физически; чистъ онъ остался въ своихъ убѣжденіяхъ, свѣжо еще было въ немъ поэтическое чутье; любовь къ доброму и прекрасному прорывалась во внутренней борьбѣ съ вліяніемъ виѣшняго растлѣнія; но талантъ его великаго творчества — начиналъ ослабѣвать. Тарасъ чувствовалъ это, хотя, отъ страха предъ отвергающеюся пропастью, хотѣлъ отвернуться и увѣрить самого себя, что нѣтъ того, что ему угрожало. Читанныя имъ въ Петербургѣ, въ послѣдніе годы, его стихотворенія были слабѣе тѣхъ огненныхъ произведеній, которыя нѣкогда онъ читалъ мнѣ въ Кіевѣ. Время возьметъ свое надъ человѣкомъ, *зане перстень есть.*

Прострадавшій всю жизнь, Шевченко, предъ концомъ дней своихъ, былъ облеченъ заслуженною славою. Его родина — Малороссія — видѣла въ немъ своего народнаго поэта; Великороссіане и Поляки признавали въ немъ великое поэтическое дарованіе. Онъ не былъ поэтомъ тѣсной исключительной народности: его поэзія приняла болѣе высокой полѣтъ. Это былъ поэтъ общерусскій, поэтъ народа не малорусскаго, а вообще Русскаго народа, хотя и писалъ на одномъ изъ двухъ, искони существовавшихъ, нарѣчій этого народа, оставшемся внутри народной сферы, не испытывшемъ насильственныхъ школьныхъ измѣненій, и потому-то болѣе способномъ для того, чтобы дать Россіи истинно народнаго поэта.

Нѣкоторые близорукіе судьи изяцнаго мѣряли его съ Кольцовымъ, и даже находили послѣдняго выше. Это происходило оттого, что они не понимали, что такое народный поэтъ, и не могли возвыситься до уразумѣнія его достоинства и значенія. По ихъ понятію, народный поэтъ есть тотъ, кто можетъ удачно изображать народъ и заговорить въ его тонѣ. Таковъ и былъ Кольцовъ; въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ онъ превосходно выполнялъ эту задачу и достойно свѣтлѣется его имя въ ряду

знаменитостей русской литературы. Не таковъ былъ Шевченко, и не такова была его задача. Шевченко не *подражалъ* народнымъ пѣснямъ; Шевченко не имѣлъ цѣлю ни описывать своего народа, ни поддѣлываться къ народному тону: ему не зачѣмъ было поддѣлываться, когда онъ по природѣ своей иначе не говорилъ. Шевченко, какъ поэтъ — это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченка была сама по себѣ народная пѣсня, только новая, — такая пѣсня, какую могъ бы запѣть теперь цѣлый народъ, — какая должна была вылиться изъ народной души, въ положеніи народной современной исторіи. Съ этой стороны, Шевченко былъ избранныкъ народа въ прямомъ значеніи этого слова; народъ какъ бы избралъ его пѣть вмѣсто себя. Народныя пѣсенныя формы переходили въ стихи Шевченка не вслѣдствіе изученія, не по разсужденію — гдѣ что употребить, гдѣ какое выраженіе годится поставить, — а по естественному развитію въ его душѣ всей безконечной нити народной поэзіи; не потому, что Шевченко хотѣлъ ихъ ввести и поставить, а потому, что они, по существу народной поэзіи, сами устанавливались такъ, а не иначе. Шевченко сказалъ то, что каждый народный человѣкъ сказалъ бы, еслибъ его народное существо могло высвиться до способности — выразить то, что хранилось на днѣ его души. Святое сокровище — оно скрывалось тамъ подъ тягостію житейской прозы, и было для него самого невидимо, незамѣтно, пока животворные звуки генія не коснутся до сокровенныхъ тайниковъ души, и не нарушатъ безмолвія мысли своею упоптельною мелодіею и не покажутъ чувству того, что составляло его достояніе и не было до сихъ поръ имъ ощущаемо. Пробужденный отъ своей прозаической апаціи голосомъ такой поэзіи, народный человѣкъ, съ трепетомъ и восторгомъ, готовъ воскликнуть: «Это самое я только-что готовъ былъ сказать точно такъ, какъ сказано поэтомъ!» Этого не дано было ни Кольцову и никакому другому русскому поэту, кромѣ одного Пушкина (но не для простого народа, а для высшаго русскаго класса). Кольцовъ заговариваетъ въ народномъ тонѣ; Шевченко говоритъ такъ, какъ народъ еще и не говорилъ, но какъ онъ готовъ былъ ужъ заговорить, и только ожидалъ, чтобъ изъ среды его нашелся творецъ, который бы овладѣлъ его языкомъ и его тономъ: и вслѣдъ за такимъ творцомъ точно такъ заговорить и весь народъ, и скажетъ едино-

гласно: это — мое; и будетъ повторять долго-долго, пока не явится потребность новаго видоизмѣненія его поэтическаго языка. Поэзія Шевченка есть непосредственное продолженіе народной поэзіи; и не даромъ явилась она тогда, когда прежнія народныя пѣсни стали забываться. Поэзія Шевченка — законная, милая дочь старой украинской поэзіи, организованной въ XVI и XVII вѣкѣ, такъ какъ эта послѣдняя была точно также дочерью древней южнорусской поэзіи, той далекой отъ насъ поэзіи, о которой гадательно можемъ мы судить по произведеніямъ Игорева пѣвца.

Народная украинская поэзія видимо приближается къ угасанію. Многія думы козацкихъ временъ, къ счастью, записанныя въ тридцатыхъ годахъ и сохраненныя для литературы, теперь уже совершенно исчезли въ народѣ. Уже и пѣсни семейнаго быта исчезаютъ мало по малу, или портятся: таковъ удѣлъ поэзіи. Поэзія угасаетъ не иначе, какъ упавая въ своемъ достоинствѣ, распадаясь; и потому-то новѣйшія передѣлки старыхъ пѣсень и новѣйшіе плоды малороссійскаго народнаго творчества дышали такимъ отсутствіемъ изящнаго. Народъ не можетъ творить цѣлою массою, ибо для этого нужно было бы, чтобъ какое-нибудь сильное потрясеніе вызвало его къ творенію новой поэзіи. Да притомъ и въ такія эпохи потрясеній вездѣ бываютъ личности, обладающія талантомъ первоначальнаго творчества; въ сферѣ существующихъ народныхъ пѣсень, эти творческія личности исчезли въ массѣ: ихъ запѣвы переформировались въ теченіи долгаго времени; къ нимъ присоединялись новые мотивы; такимъ образомъ составлялись и пересоставлялись произведенія, существующія въ безконечныхъ отрывкахъ, связуемыхъ народомъ по призыву народнаго вкуса. Между тѣмъ, потребность самооживленія ощущается въ народѣ; народъ чувствуетъ, мыслить; многое переполнилось въ его душѣ, много страданій въ ней накопилось, много желаній онъ готовъ заявить: онъ ищетъ выраженія; онъ находитъ его въ своихъ избравникахъ, поэтическихъ личностяхъ, живущихъ народною жизнію, стоящихъ выше каждаго въ отдѣльности по дарованію, и потому способныхъ выразить надлежащимъ образомъ то, что всѣми чувствуется, думается, желается. Вотъ такую-то личность былъ Шевченко.

Мы сказали, что, будучи малорусскимъ поэтомъ по формѣ и языку, Шевченко въ то же время и поэтъ общерусскій. Это имен-

но отъ того, что онъ — возвѣститель народныхъ думъ, представитель народной воли, истолкователь народнаго чувства.

Судьба связала малорусскій народъ съ великорусскимъ неразрывными узами. Только легкомысленное скользаніе по поверхности политическихъ событій можетъ находить единственно государственную связь между этими народами, смотрѣть на Малороссію не болѣе какъ на страну, присоединенную къ Россійской имперіи; — но съ другой стороны, только насплющая централизація, убивающая всякую человѣческую свободу и всякое духовное саморазвитіе мыслящаго существа, можетъ, закрывши глаза, утверждать совершенное тождество русскаго народа. Понятіе, основанное на изученіи исторіи и этнографіи русской, всегда признаетъ, что русскій народъ долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ двухъ народностей; между этими народностями лежитъ кровная, глубокая, неразрывная духовная связь, которая никогда не допустила ихъ до нарушенія политическаго и общественнаго единства, — та связь, которая не уничтожилась подъ вліяніемъ прошлыхъ историческихъ обстоятельствъ, насильственно разрывавшихъ эти народности, — та связь, которую не разорвали ни внутреннія неурядицы, ни Татары, ни Литва, ни Поляки, — та связь, которая до сихъ поръ обращаетъ къ нашему русскому горизонту Червоную Русь, уклонившуюся, уже нѣсколько вѣковъ тому, къ иной сферѣ. Ни Великоруссы безъ Малоруссовъ, ни послѣдніе безъ первыхъ не могутъ совершать своего развитія. Одни другимъ необходимы; одна народность дополняетъ другую; и чѣмъ стройнѣе, уравнителнѣе, взаимодѣйственнѣе будетъ совершаться такое дополненіе, тѣмъ нормальнѣе пойдетъ русская жизнь. Шевченко, какъ поэтъ народный, чувствовалъ это и уразумѣлъ, и оттого-то его понятія и чувства не были никогда, даже въ самыя тяжелыя минуты жизни, осквернены ни узкою, грубою неприязнью къ великорусской народности, ни донкихотскими мечтаніями о мѣстной политической независимости: ни малѣйшей тѣни чего-нибудь подобнаго не проявилось въ его поэтическихъ произведеніяхъ. И это, между прочимъ, служитъ подтвержденіемъ высокаго достоинства его таланта.... Поэтъ истинно народный, онъ естественно долженъ былъ выражать то, что, будучи достоинствомъ малорусскаго элемента, имѣло въ то же время и общерусское значеніе. Оттого поэзія Шевченка понятна и родственна Ве-

малоруссамъ. Для того, чтобъ сочувствовать ему и уразумѣть его достоинство, не нужно быть исключительно Малоруссомъ, не нужно даже глубоко въ подробностяхъ изучитъ малорусскую этнографію, — что можно сказать, напримѣръ, о *Маруся* Квитки, превосходнѣйшей, вѣрнѣйшей картинѣ народныхъ нравовъ, но дурно понятой нѣкоторыми великорусскими критиками именно по недостаточному знакомству ихъ съ частностями малорусской народности. Шевченкову поэзію пойметъ и оцѣнитъ всякій, кто только близокъ вообще къ народу, — кто способенъ понимать народныя требованія и способъ народнаго выраженія. Не пойметъ и не оцѣнитъ его только тотъ, кто смотритъ на народъ въ лорнетъ, — кто, желая узнать его, не въ состояніи принять другой методы, кромѣ той, чтобъ изучать его жизнь и бытъ, какъ изучаютъ энтомологическій кабинетъ; заноситъ въ дорожную книжку схваченныя у ямщика фразы и составлять по нимъ систему народныхъ понятій; записывать со словъ барскихъ горничныхъ дѣвухекъ пѣсни, слышанныя ими въ дѣтствѣ на селѣ, и по такимъ пѣснямъ произносить сужденія о сущности народнаго поэтическаго гения; — кто, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ любитъ народъ и готовъ заботиться о народномъ благѣ, но не знаетъ, чего хочетъ народъ и какъ онъ этого хочетъ; кто думаетъ дерзко воспитывать народъ, забывая, что для этого прежде надобно самому поучиться отъ народа, быть имъ избраннымъ и признаннымъ для такого важнаго дѣла. Такой мудрецъ не пойметъ Шевченка, — и, естественно, что Кольцовъ покажется ему выше по своему поэтическому дарованію: ибо Кольцовъ поетъ — какъ народъ уже пѣлъ; а Шевченко — поетъ такъ, какъ народъ еще не пѣлъ, но какъ онъ запоетъ за Шевченкомъ. Естественно, для уразумѣнія послѣдняго нужно чего-то побольше, чѣмъ для Кольцова: мало изученія, — души народной нужно! Къ такимъ же незрѣлымъ сужденіямъ мы должны отнести и то, которое брошено было недавно на свѣжую могилу поэта, — сужденіе, признавшее его гражданиномъ, а не поэтомъ. — На дѣлѣ выходитъ наоборотъ: Шевченко гражданиномъ-то никогда не былъ, и оставался поэтомъ и въ литературѣ и въ жизни. Такіе приговоры не болѣе, какъ плодъ запоздалыхъ узкихъ теорій, признающихъ поэзію только при соблюденіи извѣстныхъ, усвоенныхъ привычками, условій, имѣющихъ силу для того, кто неспособенъ чувствовать

поэзію. Большинство Великоруссовъ смотритъ на Шевченка не такъ. Когда еще Шевченко былъ мало извѣстенъ, былъ люди, не видавшіе во всю жизнь Малороссіи, съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, по причинѣ языка, прочтавшіе *Кобзаря* (хотя самый языкъ Шевченка отличается предъ сочиненіями другихъ Малорусскихъ писателей удобовразумительностію) и говорившіе съ перваго раза: «это — великій поэтъ!» Въ сочиненіяхъ его такъ много общерусскаго, что Великоруссы читаютъ его даже въ чрезвычайно-плохихъ стихотворныхъ переводахъ: какъ ни искажали его переводчики, все-таки не могли испортить до того, чтобъ первородная поэзія не высказывалась наружу. По нашему мнѣнію, переводить Шевченка отнюдь и не слѣдуетъ: достаточно будетъ напечатать его съ объясненіями словъ, непонятныхъ для Великорусса, — да и словъ такихъ будетъ совсѣмъ не много.

Въ то время, когда въ великорусской литературѣ находились критики, не понимавшіе достоинства малорусскаго поэта, въ польской — хотя постоянно признавали его великій талантъ, но сближались нѣкоторыми его произведеніями, гдѣ поэтически воспроизведены древнія времена вражды Малоруссовъ съ Поляками: видѣли въ этомъ какую-то неприязнь къ польской націи. Между тѣмъ, таланта у Шевченка отнять нельзя. Какъ тутъ поступить? Поэтъ великій, а Поляковъ обличаетъ. И вотъ — въ одномъ изъ періодическихъ польскихъ изданій въ Червоной Русси явились презабавныя свѣдѣнія о жизни нашего поэта. Писали, — что Шевченко поселился у какого-то *Hrabiego Działuńskiego*, который, по своему панскому великодушію, оказалъ пріютъ поэту, заявившему себя такъ непочтительно къ бывшимъ господамъ своего народа — Полякамъ; что Шевченко проникнулся чувствомъ признательности за такое великодушіе, живетъ у графа въ качествѣ придворнаго поэта, пользуется его благосклонностями и, въ порывѣ справедливой благодарности, *wszystko, co napisałъ przeciwko Polakom, rownymazał i porzzerabiał* (1) въ послѣднемъ изданіи своихъ сочиненій. Клеветы на поэта хуже выдумать невозможно; но она до такой степени нелѣпа, что вѣроятно, еслибы Шевченко ее услышалъ, то скорѣе смѣялся бы надъ ней, чѣмъ сталъ бы оскорбляться.

(1) Все, что написалъ противъ Поляковъ, исключилъ и передѣлалъ.

Въ настоящее время, когда совершается великая эпоха обновленія народной жизни, съ грустію обращаюсь я къ воспоминанію о двухъ малороссійскихъ малярахъ, которыхъ я зналъ въ своей жизни. Освобожденіе народа не принесетъ пользы моимъ бѣднымъ малярамъ. Грицько - маляръ слишкомъ рано родился, и прожилъ лучшіе годы подъ гнетомъ крѣпостного права, не давшаго ему развитіе свой замѣчательный талантъ для собственнаго духовнаго наслажденія и для пользы другихъ: Тарась - маляръ рано умеръ, не доживши всего шести дней до дня, который былъ бы радостнѣйшимъ днемъ въ его страдальческой жизни: ибо этотъ день положилъ начало исполненія того, что было душею Тарасовой поэзіи.

Но стоить ли, скажете вы, жалѣть о двухъ малярахъ, когда радуются милліоны за себя и за своихъ потомковъ? — Стоить, — потому что, съ воспоминаніемъ о двухъ малярахъ, тѣсняся въ воображеніи тысячъ, милліоны маляровъ, бондарей, столяровъ, пастиховъ, земледѣльцевъ, барской челяди — лакеевъ, кучеровъ, дворниковъ, изъ которыхъ многіе также, можетъ быть, рождены были природою съ правомъ быть чѣмъ-то инымъ, а не тѣмъ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ; тогда какъ другіе великіе мужи слова и дѣла — книгописцы, художники, законники, сообразнѣе бы своимъ способностямъ исполняли обязанности первыхъ. — Стоить — потому что со всевозможнѣйшими человѣческими улучшеніями не уничтожатся препятствія къ исполненію на землѣ человѣкомъ его природнаго призванія. Стоить, наконецъ, потому, что при каждомъ воспоминаніи о человѣкѣ, который не достигъ въ жизни того, къ чему стремился, невольно оставался на убійственныхъ, безотвѣтныхъ вопросахъ: Зачѣмъ мы смертны? — Зачѣмъ мы глупы? — Зачѣмъ мы старѣемся?...

Н. Костомаровъ.

Апрѣля 14.

1861.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

• Добра хочу братьи и Русьскѣи Земли. •
Владимиръ Мономакъ.

1861, 4

АПРѢЛЬ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>